

Пробираясь сквозь ревущую, кишачую толпу, Линь Шу даже не взглянул на услужливого официанта. Он знал дорогу — этот путь уже однажды был выжжен в его памяти каленым железом.

Второй этаж бара «Цзиюэ» славился своей исключительной приватностью. Сюда пускали только избранных, и обычному человеку входной билет не светил ни за какие деньги. Тогда, в прошлой жизни, Тань Сяо божился, что выбрал первое попавшееся место с хорошей репутацией и сам пришел сюда впервые. Линь Шу горько усмехнулся: каким же слепцом нужно было быть, чтобы не заметить столь очевидную ложь?

— Поглядите-ка, кто пожаловал!

Дверь в VIP-ложу распахнулась, и наружу вырвался яростный грохот тяжелого рока. Все взгляды тут же обратились к вошедшему. Тань Сяо, сидевший в самом центре компании, первым поднял бокал:

— Наш второй молодой господин наконец-то соизволил почтить своим присутствием это скромное заведение! Раз уж Линь Шу здесь, давайте выпьем до дна!

Толпа дружно взревела в ответ. Кто-то, не дожидаясь согласия, сунул Линь Шу бокал, призывая немедленно выпить. Алое вино в стекле заиграло в свете ламп коварными искрами — манящее и смертоносное.

Наверное, дело было в смене настроения. Раньше подобные шутки и подначки казались Линь Шу привычным делом, но сейчас в каждом слове ему слышался ядовитый сарказм и дурное предзнаменование. Он даже не шелохнулся, не собираясь потакать этим людям.

— Ну же, пей, — Тань Сяо, как обычно, по-хозяйски протянул руку, намереваясь приобнять друга за плечи, и картинно заворчал: — Ты сам обещал всех угостить, а в итоге заставил нас ждать. Это не дело, старина. С тебя три штрафных бокала!

Линь Шу коротким, выверенным движением уклонился, заставив руку Тань Сяо рассечь воздух, и сухо бросил:

— У меня дела.

Тань Сяо, не ожидавший отпора, едва не потерял равновесие. Он на мгновение опешил, заподозрив неладное. Он принялся пристально разглядывать вошедшего юношу.

Линь Шу всегда был чертовски хорош собой — настоящий центр притяжения в любой компании. Тонкие пряди волос слегка прикрывали изящные черты лица, а на контрасте с темными глазами кожа казалась почти фарфоровой. Когда он молчал, он выглядел как благородный, изысканный принц. Но Тань Сяо слишком хорошо знал, сколько строптивости

скрывается за этой внешностью. Не будь у семьи Линь столь строгих правил воспитания, этот «принц» давно бы выкрасил волосы во все цвета радуги и пустился во все тяжкие.

Тань Сяо мысленно сплюнул от презрения, но на лицо тут же вернулась привычная радушная маска:

— Я до тебя дозвониться не мог, с ума сходил от беспокойства. — Он сделал паузу, добавив с притворным сочувствием: — Если что-то случилось — сразу говори мне, я все улажу. Это тебе не Жунчэн, не взваливай всё на свои плечи.

Тань Сяо всегда вел себя так: шумный, щедрый, готовый душу вытрясти ради друга. Они выросли вместе, и до самой смерти Линь Шу не догадывался, что за этой широкой улыбкой скрывается чистейший яд.

Линь Шу молча смотрел на своего «приятеля», которого, как оказалось, совсем не знал. Тань Сяо стало неуютно под этим взглядом. Он уже хотел было что-то спросить, чтобы прощупать почву, но Линь Шу вдруг тонко улыбнулся:

— Если ты так за меня переживал, мог бы просто зайти ко мне в квартиру.

Голос прозвучал чисто и холодно, без тени эмоций, но Тань Сяо словно пригвоздило к полу. Лицо его вспыхнуло от невидимой пощечины.

Верно. Линь Шу не выходил на связь три дня, но Тань Сяо ни разу не подумал заглянуть к нему. Юньчэн — город приграничный, здесь люди исчезают пачками, и, честно говоря, если бы не давление семьи, Тань Сяо был бы только рад, если бы Линь Шу сгинул навсегда.

Чем этот баловень судьбы лучше него? Избалованный семьей, наивный и глупый — идеальная марионетка. С какой стати небеса отсыпали этому идиоту всё: и происхождение, и внешность, и любящую родню?

Тань Сяо на миг вспыхнул от жгучей ненависти, но быстро взял себя в руки. Линь Шу никогда раньше так с ним не разговаривал. Что-то пошло не так. По планам семьи, этот дурак был ключевым элементом, и если он сорвется с крючка...

Тань Сяо ощутил укол тревоги. Плевать на гордость, сейчас нужно было довести дело до конца. Он снова подобострастно ослабил:

— Ну, обижаешь! Ты сам велел мне всё организовать, а потом свалил на меня все хлопоты. Юньчэн — не наш Жунчэн, я три дня на ногах провел, выискивая место, которое пришлось бы всем по вкусу. Сяо Шу, я понимаю, у тебя могли быть неприятности, но не надо срывать злость на мне. Ты хоть представляешь, каких трудов мне стоило найти этот бар?

Все внимание ложи было приковано к ним. Увидев, что неразлучные друзья повздорили, «золотая молодежь» тут же подала голос.

— Старина Тань и впрямь зашивался, Линь Шу, поимей совесть.

— Второй молодой господин, хватит капризничать как дитя. Обидел кто-то другой — с ним и разбирайся, нельзя же вечно шпынять Тань Сяо только потому, что у него ангельское терпение.

— Точно-точно! Старина Тань тебе звонил, ты трубку не брал, а теперь еще и претензии предъявляешь? Некрасиво получается.

Сброд кругом только и ждал повода, чтобы поглумиться. Им нравилось занимать позицию «морального превосходства», поучая того, на кого в обычное время они боялись даже поднять глаза. Им было плевать на истину — они просто наслаждались моментом, когда можно было безнаказанно ткнуть носом того, кто стоял выше них.

Линь Шу смотрел на лица в ложе и окончательно убеждался: каким же кретином он был.

«У тебя вместо головы две дырки, чтобы пар выпускать!»

Тот парень из тумана был чертовски прав.

Линь Шу неприязненно поджал губы. Ему хотелось поскорее покончить с этим фарсом.

— Ну же, Второй молодой господин, пей! Давай, извинись перед Тань Сяо, и дело с концом.

Видимо, то, что Линь Шу не взорвался и не послал их всех подальше, придало им смелости. «Дружки» окружили его, размахивая бокалами и настаивая на своем. Гвалт, лесть и скрытая неприязнь смешались с грохотом рока в омерзительный кокон. Впрочем, мир до конца света и после него мало чем отличался — люди оставались теми же гнилыми существами.

Линь Шу внезапно осознал, что больше не может здесь находиться. Он слегка качнул бокал. Рубиновая жидкость плеснула на его бледную кисть — резкий контраст напомнил ему цвет крови на разбитом черепе.

— Ты действительно хочешь, чтобы я это выпил? — Линь Шу проигнорировал шум толпы, в упор глядя на Тань Сяо.

— Ну... я...

Разумеется, Тань Сяо этого хотел. В этот коктейль, приготовленный специально для второго молодого господина Линь, подмешали много «интересного». Но сказать об этом прямо он не мог.

Линь Шу был человеком крайностей: если любил — до гроба, если ненавидел — до костей. Одно неверное движение, и он выльет это вино Тань Сяо прямо на голову. План должен был сработать еще три дня назад. Стоило Линь Шу выпить это — и вся его семья оказалась бы в руках Таней, превратившись в бездонный кошелек. А сам Тань Сяо окончательно закрепил бы за собой статус наследника.

Но этот придурок спутал все карты, а теперь еще и стоит здесь с лицом кредитора, вызывая лишь глухое раздражение. Тань Сяо до зуда в зубах хотелось увидеть, как этот высокомерный павлин потеряет человеческий облик и поползет по полу. Но, будучи «лучшим другом», он лишь расплылся в еще более приторной улыбке:

— Не слушай их, ты мне ничего не должен. Зачем извиняться? Пойдем лучше, здесь есть одна новая забава, тебе точно понравится!

Он мельком переглянулся с кем-то в углу. Тут же один из компании выкрикнул:

— Ну, если перед Стариной Танем извиняться не хочешь, так хоть нам должок верни! Обещал гулянку, а сам исчез. Надо наказать прогульщика!

Линь Шу продолжал лениво поигрывать бокалом, не проронив ни слова.

— Три штрафных бокала, и мы квиты, — продолжал задира, не смущаясь молчания.

Атмосфера в ложе начала ощутимо остывать. Тань Сяо, мастер разряжать обстановку, на этот раз просто стоял рядом, с улыбкой потягивая вино.

— Линь Шу, ты что, струсил? — выкрикнул кто-то, разгоряченный алкоголем. — Мы ради тебя в этот Юньчэн притащились, а ты мало того что прятался, так теперь еще и морду воротить? Совсем нас за людей не считаешь, а?

«Ах да, — вспомнил Линь Шу, — я ведь оплатил поездку всей этой ораве». И вместо благодарности каждый из них считал его просто ходячим кошельком.

— Похоже, тебе и впрямь не терпится, чтобы я это выпил, — негромко произнес он.

В ложе мгновенно стало тихо. Внезапно пульсирующий бит музыки стал казаться слишком громким — каждый удар барабана отдавался в грудной клетке.

Юноша стоял неподвижно, изящный и холодный. В его позе не было прежней заносчивости, но от него исходила такая аура отчуждения и ледяной угрозы, что воздух, казалось, начал резать кожу. Те, кто был в комнате, невольно поежились.

Если бы здесь оказался человек, хоть раз видевший настоящую смерть, он бы содрогнулся. От Линь Шу веяло тяжелой, нечеловеческой лютостью — так пахнет тот, кто прошел через горы трупов и реки крови. Бросать вызов такому существу было всё равно что плевать в лицо самой смерти.

Но изнеженные юнцы, выросшие в мире и покое, не понимали, с чем столкнулись.

Под его немигающим взглядом, глубоким и темным, как бездна, Тань Сяо почувствовал, как по спине потек холодный пот. Ноги стали ватными. У него возникло дикое желание броситься наутек, прочь от этого «нового» Линь Шу.

Однако, вспомнив приказ отца, Тань Сяо заставил себя выдавить улыбку. Она вышла кривой и жалкой.

— Линь Шу, ты...

— Что в этом вине? — перебил его Линь Шу.

Тань Сяо непроизвольно попятился, едва не упав. Он наконец понял, что это за взгляд.

Так смотрят на мертвецов.

Тань Сяо осознал: Линь Шу всё знает. Он знает о планах семьи Тань.

Не помня себя от ужаса, Тань Сяо развернулся, чтобы бежать.

— Цыц.

В следующее мгновение Линь Шу мертвой хваткой вцепился в волосы Тань Сяо, рывком дернул его на себя и, силой разжав ему челюсти, влил содержимое бокала прямо в глотку.

Тань Сяо в ужасе расширил глаза и отчаянно забился, пытаясь вырваться. Он лучше всех знал, что именно подмешано в вино, и меньше всего на свете хотел, чтобы этот «подарок» достался ему. Но тонкая, белая рука Линь Шу, которую Тань Сяо всегда пренебрежительно называл «девчачьей», держала его как стальные тиски. Вся порция отравы скользнула в желудок.

Тань Сяо согнулся в судорогах, пытаясь вызвать рвоту, но было поздно. Алая жидкость текла по

его подбородку, заливая воротник дорогой рубашки. Всегда безупречный наследник семьи Тань теперь напоминал тряпичную куклу, бессильно и нелепо сучащую конечностями.

Гости в ложе замерли, парализованные этой внезапной вспышкой насилия, а затем взорвались криками:

— Линь Шу, ты свихнулся!

— Отпусти его сейчас же!

Но никто не сделал ни шага вперед. Все были не дураки и видели: что-то идет вразрез с привычным сценарием. Линь Шу был страшен, но и Тань Сяо явно не был невинной жертвой.

Когда бокал опустел, кто-то на негнущихся ногах все же бросился за охраной. Линь Шу смотрел на корчащегося Тань Сяо с ледяным спокойствием.

Он вспомнил свою прошлую жизнь. Семья Тань подставила его, чтобы вытянуть из Линей все соки. Тогда он выпил это вино. Ему повезло — желудок успели промыть, и он не подсел на дрянь, но намучился вдоволь. Его брат бросил всё, чтобы приехать и ухаживать за ним, из-за чего они застряли в этом Юньчэне как раз в тот момент, когда рухнул мир. Когда они наконец пробилась в Жунчэн, их родители уже поседели от горя и ожидания. А семья Тань, откусив кусок от их плоти, стала новыми хозяевами жизни. Тань Сяо стал «Молодым хозяином города Тань», возвысившись над трупами конкурентов.

Линь Шу и вся его семья были лишь ступенями на их лестнице к власти.

Ярость, черная и густая, затопила разум. Линь Шу медленно, но неумолимо начал сжимать пальцы на горле Тань Сяо.

<http://bllate.org/book/17473/1692392>